

АЛЕНА ЦВЕТКОВА

16+

**ПОПАДААНКА-2.
ИЗ ГРЯЗИ - В КНЯЗИ**

Попаданка (Гвенар)

Алёна Цветкова

Попаданка-2. Из грязи – в князи

«Автор»

2020

Цветкова А.

Попаданка-2. Из грязи – в князи / А. Цветкова — «Автор»,
2020 — (Попаданка (Гвенар))

Алла прижилась в новом мире. Появились первые успехи и достижения. Кажется, что все наконец-то хорошо. Можно спокойно жить, развивать колхоз, учиться и ждать малыша. Но, оказывается, помимо друзей и негодяйских негодяев, есть еще настоящие враги... и ей придется с этим что-то делать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алёна Цветкова

Попаданка-2. Из грязи – в князи

Пролог

Сумрачным этот зал, спрятанный глубоко-глубоко под землей, называли не только из-за тьмы, лежащих в углах помещения. Нет. Это место несло на себе печать прошлого, боль и скорбь настоящего и пустоту надежд будущего. Именно здесь сейчас не билось Мертвое Сердце арровых ведьм.

В самом темном углу, где чернота казалась осязаемой и живой, и где ее не могли разогнать даже пара десятки горящих прямо сейчас факелов, стоял Трон Верховной. Пока пустой. Вчера последняя Верховная наконец-то покинула этот мир, ступив в могилу второй ногой. Она правила ведьмами много тысяч лет, но вчера ее срок закончился.

И сегодня на Трон сядет новая Верховная, которую выберет Сердце, чтобы править следующие бесконечно долгие тысячи лет.

По всему залу полыхали огни не разгоняющие тьму. Длинная вереница арровых ведьм в платьях-мешках из самой жесткой дерюги вступила в зал, двигаясь по замысловатой траектории, от тени к тени, от тьмы к тьме.

Ведьмы шли след в след, медленно и осторожно. Ошибиться нельзя, сойти с белой цепочки следов значит сгинуть. Заунывный вой по голодной тьме сопровождал эту странную процессию. Перед тронем каждая ведьма замирала на одно короткое мгновение, левой рукой касаясь отполированного миллионами прикосновений Сердца. Но оно молчало.

Молчало до тех пор, пока перед ним не замерла хрупкая фигура молоденькой арровой ведьмы. Сердце дрогнуло. А когда маленькая ладошка осторожно коснулась ледяной поверхности Сердца, оно громко, четко и ясно, на весь зал сообщило о своем выборе:

– Тук! Тук-Тук!

Новая Верховная определена. Неясный гул прошел по залу. Слишком молодая. Слишком неопытная. Слишком сильная. Но кто посмеет спорить с Сердцем?!

Мушка сделала шаг, переступая одной ногой в могилу, голодные тени взметнулись, но Сердце защищало от их злобы. Она села на Трон, так и не оторвав левую руку от Сердца, лежащего на широком подлокотнике, а правую ногу от безопасной дорожки, по которой шли ведьмы.

Чернота легкой дымкой поднималась по белоснежной коже молодой женщины. Мушка еле слышно стонала, чувствуя леденящий холод Сердца, который стремился туда, где пока билось, пока ее, пока живое сердце. Пара бесконечных мгновений, и сердце в последний раз гулко стукнув об ребра, остановилось. Вот и все...

Верховная поднялась с трона и оглядела замерших на коленях ведьм.

– Она нужна нам, сестры, – по Залу разносился хриплый каркающий голос. И тьма вторила ему восторженными криками.

Через некоторое время все ведьмы, во главе с Верховной покинули тронный зал, запечатывая двери до следующего Ритуала Выбора Верховной. И только Мертвое Сердце ритмично сокращалось, гоня черную кровь того, кого прятала тьма Сумрачного зала.

Глава 1

– Малла, не пойму, как мне распределить доярок по бригадам? И как они будут следить за рационом и самочуствием коров? Они же не умеют?!

Рыска в сотый раз завела свою шарманку. Первым делом мы с господином Гририхом решили заняться двумя направлениями: молочная ферма и сыроварня. Все же основные заработки колхозу дают именно они. Если наведем порядок там, то дальше будет легче. Но моя сестра старательно ставила палки в колеса.

– Рыска, – я вздохнула. Тяжело быть председателем. Я всего пол дня на этой должности, а уже устала, – но ведь как-то все остальные, у кого нет Дара держат коров. Они же как-то их кормят, следят за ними. Если ты считаешь, что твои девочки-доярки бестолковее этих крестьянок, то замени их на других. Желающих много.

– Нет, мне не нужны другие! – Рыска нервничала. Она впервые на моей памяти проявляла такие яркие эмоции, – но, Малла, а как же я?! Если они справятся без меня, то я-то зачем?! Ты хочешь меня выгнать?! Но я же сама каждую из этих коровок выбирала. Они же все мои, Малла. А ты говоришь, что я не должна ими заниматься! А как же я без них-то?!

– Рыска, – вмешался господин Гририх, – все коровы, которые у нас есть, и которые у нас еще будут, так и останутся твои. Только стойла почистить и навоз в поля вывезти твоего Дара не нужно. И чтобы по составленному тобой рациону коров накормить. И с дойкой без тебя справятся.

– Но...

– Если захочешь, – не дал ей возразить господин Гририх, – можешь подоить одну-две коровы для удовольствия. Но от ежедневной и постоянной рутинной работы в коровнике нам надо тебя освободить. Ты же сама видишь, что много других дел копится. Нужно следить, когда на какое пастбище стадо отправить, когда сена подвезти, когда каши, когда ведра пропарить... у тебя сейчас сорок коров, а будет сотня.

– Да, но...

– Никаких но, Рыска. Ты же сама голосовала за такую конц... за такое видение нашего колхоза.

Рыска набрала в грудь воздух, намереваясь разразиться гневной тирадой, но господин Гририх моментально сбил ей настроение.

– Мы тут подумали... за следующей партией коров ты можешь ехать сразу, как только наладишь работу на ферме. Сама понимаешь, в округе мы всех разобрали, придется ходить порталами. И поездка может занять не один день... пока приедешь, пока к коровам приглядишься, пока выберешь... и каждый месяц будем по двадцать коров докупать, пока всю сотню не наберем...

Рыска сразу же забыла, о своем недовольстве и, тихо выпустив воздух, с восторгом слушала господина Гририха. Как и я... я уже две части билась с Рыской. А бывший председатель справился за пару долек. Вот как он это сделал? Откуда он знал, что нужно говорить, чтобы Рыска перестала бояться доверить своих коров дояркам?

– Малла, улыбнулся господин Гририх, когда довольная Рыска убежала строить своих доярок, – главное заинтересовать человека в том, что ты хочешь от него. Дать такую ценность или цель, чтобы он сам с радостью побежит делать то, что тебе нужно. Вот я и дал Рыске возможность заполучить в свои руки еще больше коров. Ты ведь по себе знаешь, когда есть Дар, хочется приложить его к работе так, чтобы он работал в полную силу. Простые операции вроде доения или уборки навоза не требуют работы Дара, поэтому, вот увидишь, Рыска с легкостью перестанет это делать. Вот сейчас Сайка придет. Что ты ей предложишь?

– Возможность варить больше сыров? – мгновенно ответила я и тут же поняла, что не права, – нет... ее Дар направлен на уют, чистоту и порядок... значит мы ей скажем, что распределив по бригадам разные сыры, она наведет чистоту и порядок в сыроварне? Что меньше будет грязи и бестолковой суеты?

– Верно, – рассмеялся господин Гририх, – только Сайка уже все просчитала и прикинула. Она ушлая баба. Так что она сама начнет требовать, чтобы мы быстрее достроили сыроварню, чтобы она могла сделать все так, как говорили на собрании.

И он снова оказался прав. Сайка первым делом потребовала, чтобы строители как можно быстрее достроили сыроварню. Потому что у нее уже все готово, и девочки-сыровары хоть завтра могут начать работать по-новому.

Господин Гририх хмыкал и подмигивал мне, когда теперь уже я пыталась уговорить Сайку еще немного поработать по-старому... вот откуда он знал, что так будет? Управление тяжелая наука. Нужно столько всего знать...

Я вздохнула... придется учиться... вчера негодяйский негодяй составил мне расписание моего обучения. Мы даже поругались. Там предметов больше, чем у нас в училище было. И все такие сложные... законоведение, практика хозяйствования, устройство государства, искусство душевности, история... ужас... и, главное, ни словечка про управление моими способностями. Как будто бы я не для этого поклялась сесть за учебники.

Но первый день в должности председателя показал, негодяй частично был прав. По крайней мере, людей и их психологию, то есть то самое странное искусство душевности, мне точно нужно знать. И законы, наверное... А вот история там всякая, государственное устройство – это бесполезные занятия. Еще бы физику меня учить заставил.

Вечером я еле-еле волочила ноги с работы. Мне казалось, что я не в правлении весь день просидела, не вставая, а в поле гектар картошки в одиночку выкопала. Даже мышцы болели так же.

Но зато я сегодня столько сделала! Уже сейчас ферма начала работать по новому... ну, Рыска по крайней мере пытается. Салина чуть не подралась с Сайкой, но увела строителей с сыроварни и они ей за полдня поставили небольшую лавочку – прилавок с крышей – прямо рядом с правлением. Под склад господин Гририх временно выделил ту комнату, где я трое суток отсиживала и вручил ключи Анье, которую Салина взяла себе в помощницы. Сразу стало легче, спокойнее. Купцы перестали суетиться и кидаться на Салину с криками, когда из огорода приносили короба с овощами. И она сказала, что так получается гораздо спокойнее. И правильнее. Ведь ее отец тоже за каждой пуговицей сам не ездит. Есть у его и управляющий, и помощник.

А дома меня ждали негодяй и... ужин. И салатик, главное, настрогал, как я люблю. Они-то здесь мало овощи едят, не привыкли. Все на кашу свою, да на мясо налегают...

– Устала? – спрашивает, и в глазки-то заглядывает, как будто бы у нас не нелепый случайный брак, как будто бы он меня не ненавидит. И я его тоже.

– Устала, – ответила. Даже огрызнуться сил не было. Думала поем, спать лягу. Да только я еще доесть не успела, как Орбрэн мне под нос книжку сунул:

– С первой по десятую главу. Потом я тебя поспрашиваю, ответишь на все вопросы с первого раза – пойдешь отдыхать. Нет – будешь читать снова.

Где был мой мозг, когда я соглашалась учиться? И ничего же не поделаешь. Отводишь глаза от книги – глаза болят и слезиться начинают. Оракул... чтоб его. Пришлось читать. Вот жаль у меня Оракула в школе не было. Я бы отличницей стала.

«Как с покон веков жили люди в мире и довольстве,
Кашку сеяли, скот пасли да на солнце радовались глядучи,
И были среди них люди Ведающие силой большой владеющие
Землей, водой и ветром управлялись играючи...»

Продираться через текст сначала сложно было. А потом приноровилась. Тем более первые несколько страниц рассказывали о той истории, что я знала уже. Пока читала, зевала от усталости. А вот потом, когда добралась я до того места как людей в Хадоа погнали, затянуло меня...

«Согнали вороги злобные детей младших в толпы огромные,
Да погнали по земле родной, черной да мертвой.
А земля-то прокляла их. И превращались они в чудища страшные
Волосья да кожу по дороге сбрасывая, да помирая как нечистые.»

Много детей умирало по дороге к порталу. Он-то один на весь мир был. Из тысячи людей единицы живыми доходили. Всю землю костям своими в несколько слоев устлали. А те кто выжил пожалели. Мир Хадоа был таким же мертвым, как Гвенар они за собой оставили. И животные, и птицы и растения мертвые были. На вид как живые, но мертвые.

Стали люди гвенарские в хадоа рабами. Несложная-то работа была, потому что еще чудища мертвые хадоа служили.

Кроме людей в хадоа привели и домашних животных: коров, лошадей, кур, свиней и овец. Очень уж новые хозяева мясо полюбили. Да только в хадоа на мертвых землях даже травы живой не было. Только мертвая. А ее животные есть отказывались.

Хорошо, что воины, из любопытства травы живой, да ветки деревьев нарвали на Гвенаре, да тайком в хадоа принесли, до того, как сжечь мир покинутый дотла. Из них потом леса и луга в Хадоа выросли. Стали гвенарцы за скотом ухаживать. Стал оживать мир. А тут еще оказалось, что дети от гвенарцев здоровее получаются... вот тогда и потеряли они чистоту Древней Крови.

И людей становилось все больше и больше, и травы, и деревьев, и животных. Перестал мир Хадоа быть черной пустыней, ожил. И решили хадоа попробовать оживить и второй уничтоженный мир. Места-то для всех не хватало. Очень много людей стало.

«И вернулись люди в мир родной, века веков назад покинутый
И замер народ в ужасе: так и остался мир черным да мертвым
Прахом серым от дитячьих косточек истлевших покрытым
Скорбью горькой, болью на губах оседающим...»

Дочитала я десятую главу, а у самой слезы на глазах. Как же страшно это, особенно когда видишь, что все это правда. Ни птиц в Гвенаре не осталось, ни рыбы, насекомых тоже совсем мало было, раз про них не написали ничего, они, наверное, сами в портал проползли, да залетели. Так и выжили. И от этого так больно.

И я снова почувствовала, что подниматься стала. Как тогда, когда песню про Катюшу пела... выше и выше, а мир вокруг все меньше и меньше становился... И когда уже Вард увидела, Орбрэн вдруг подскочил, затряс меня, а потом как вцепит пощечину...

Я на землю и рухнула... Нет, понимаю, что все это время я тут на стульчике и сидела, но по ощущениям как будто бы с высоты огромной упала. Даже дыхание выбило от чудовищной силы удара...

Вскочила я, рот открываю, а вдохнуть не могу. А рядом Орбрэн, встревоженно в глаза мои взгляделся, руку на грудь положил и отпустило меня. Я со свистом воздух втянула и задышала, согнувшись, как будто бы стометровку пробежала на время.

– Ты как? – негодяй меня ласково за ручку взял, смотрит...

А я выпрямилась через силу, и со всего маха ему ответный привет залепила. Что это он руки свои распускает? Да меня даже зайка-алкоголик никогда пальцем не тронул!

– С ума сошла? – Орбрэн схватился за щеку и смотрел на меня удивленно, – ты же опять к Оракулу подключалась. Я должен был тебя остановить!

– Можно было просто сказать, – часто дыша ответила я, – было очень больно падать с такой высоты.

– Я тебя звал, тряс и даже облил водой... ты никак не реагировала.

– Облил водой? – Я опустила глаза вниз и увидела, что стою мокрая с головы до ног в огромной луже, – кошмар меня подери, ты что на меня ведро воды вылил?!

– Да, – ответил Орбрен, сел за стол и почти спокойно заметил, – ты даже не заметила. И еще я тебя усыпить не смог, потому, что ты еще сегодняшнее задание не доделала. Пришлось прибегнуть к последнему средству.

Кошмар меня подери! Да что же это такое?! Я ведь на самом деле не хотела ничего такого.

– Я не хотела. Оно опять получилось само. И прости... что ударила, – я присела за свой стул, – что же делать? Ты обещал научить меня контролировать это состояние... а вместо этого, – я кивнула на книгу, – заставляешь читать историю.

– Видишь ли, – Орбрен нахмурился, – мне надо было проверить свою догадку. И теперь я точно знаю, ты подключаешься к Оракулу, когда испытываешь сильное эмоциональное потрясение от какой-то неправильности... ты поняла о чем я?

– Поняла, – кивнула я, – если мне что-то очень сильно не нравится и я очень хочу это исправить, то... только, – я помолчала, – я сама не знаю, что именно сделаю, как буду все это исправлять... наверное, за меня решает подсознание....

– Под... что?

– Ну... подсознание, – я покраснела. Странно быть умнее учителя, – у нас так говорят. Вроде как есть сознание, которые мы контролируем, а есть более глубокое подсознание, которое мы контролировать не можем.

– Хм... интересно, – Орбрен недоуменно почесал затылок, чем смутил меня окончательно. А я-то думала, негодяй все знает. – Об этом мы подумаем потом. Сейчас наша с тобой цель разорвать эту цепочку реакций. Поняла?

– Так ты это нарочно?! Нарочно хотел, чтобы я подключилась... чтобы ударить...

– Чтобы ты могла учиться управлять своими силами, – перебил меня Орбрен, – сначала надо научиться не выходить на связь с Оракулом произвольно. Иначе тебя так и будет таскать туда каждый раз, когда ты прикасаешься к Жару. Поэтому да, нарочно. И буду делать это не один раз.

Кошмар меня подери! И ведь не скажешь, что он не прав. Как я могу чем-то научиться, если меня сразу волочет наверх, без участия разума?

– Ладно, – обреченно согласилась я, – только не бей меня больше. Придумай что-нибудь другое. И не тяни, чтобы я не успела... взлететь высоко. А то больно падать.

Одно хорошо, запомнила я все с первого раза... хорошо, но странно... и когда Орбрен, наконец, отпустил меня спать, я думала усну мгновенно.

Но не тут-то было. Я еще полночи проворочалась. Все казалось, что из угла на меня смотрит сама тьма. И от этого было страшно и жутко. А когда заснула мне приснился Орландо. Будто бы пришел он ко мне здесь, в Гвенаре, встал в дверях, улыбается. Руки ко мне протягивает.

– Малла, я так соскучился. Иди ко мне, любимая. Мы снова будем жить вместе. Сына растить...

А меня аж затрусил всю. И к нему бежать хочется, на шее повиснуть и разрыдаться. Ведь соскучилась тоже... и мешает что-то... так и сидела, как дурочка, всю ночь, не могла выбрать, что делать. Очень дурацкий сон. Непонятный.

Глава 2

Утром меня разбудило солнце. Я нарочно не стала окошко занавешивать, хотела пораньше встать. Я же теперь не просто колхозница Малла, а целый председатель. И жизнь у меня теперь новая началась. Нельзя в постели валяться. Я даже зарядку сделала... ну, раз у меня теперь все так правильно и ответственно... значит надо.

Несмотря на мутный некошмарный кошмар с Орландо в главной роли, я выспалась. И проглотив молока с куском цветочного хлеба, побежала на работу.

Первым делом на ферму, конечно. Они раньше всех начинают. Так и вышло. Рыска уже своих доярок гоняла... ну, пыталась гонять.

– Рыска, – уперла руки в бока Найка, – а ты чего стоишь? Бери подойник, да помогай. Или иди коровник чисти, пока мы тут всех подоим, ты как раз закончишь. Или ты у нас теперь важная птица и ручки свои марать не хочешь?

И вижу я Рыска растерялась. Ну, она сама, наверное, думает так же, как эта баба наглая говорит. Поэтому и стоит, не знает, что ответить. И почувствовала я, что возьмется сейчас Рыска за вилы. И пойдет навоз кидать. А не дело это. У нее своя работа. Так что решила я вмешаться:

– Найка, – улыбнулась во все тридцать два зуба, – правильно говоришь. Ты подойник-то свой Рыске отдай. Она вместо тебя доить и коровник чистить будет. А ты вместо нее Зорьку лечить будешь, ночами караулить, чтоб не сдохла корова-то колхозная. А то я с тебя ее стоимость вычту. И имей в виду, если за день молока меньше сдашь сыроварам, Сайка тебя на клочки порвет. И я добавлю. У нас весь сыр сегодняшний до мешочка (*килограмма) расписан. Не хватит молока, сама будешь перед ее величеством ответ держать.

– Да, уж пошутить нельзя, – сразу пошла на попятный Найка, – пошли, бабоньки, работать. А то ее величество сыры ждет... как бы не померла с голоду-то...

И доярки весело хихикая подхватили ведра и пошли доить коров.

А мы с Рыской остались. И хорошо, что никто не увидел, как у меня коленки тряслись от волнения. Вдруг бы доярки меня не послушались бы. Что бы я тогда делала?

Вот интересно... почему я с Орбреном могу вести себя, как королева, а вот со всеми остальными – нет? Его бы я легко и просто на место поставила, хотя он целый герцог, а это обычные деревенские бабы. Хотя нет... не поставила бы... этот негодяй давно простился, да не получается у меня.

– Малла, – отвлекла меня сестра, и задумчиво продолжила, – знаешь, а я теперь тоже поняла, почему не должна коров доить... я же получается, должна совсем другим заниматься... молока нам надо больше. Больше молока – больше сыра и, значит, денег в колхозе. Если я буду сама коров обхаживать, то больше молока будет только от тех, что я сама подоила. А если я буду всеми коровами заниматься, то молока будет больше от всех... И значит Найка не права. Моя другая работа так же важна, как дойка или чистка коровника...

Мы с Рыской еще поболтали чуточку. Она мне про Зорькино самочувствие рассказала, я на учебу свою пожаловалась... а сама думала, что Рыску не только заинтересовать надо было, но еще и объяснить, почему все должно быть именно так, а не иначе...

Вот почему кто-то слету ловит свою выгоду, как Сайка, а кому-то, как Рыске и мне, еще все по полочкам разложить нужно? Я бы не сказала, что Сайка умнее Рыски или меня. Значит, ум совершенно не при чем. А что при чем?

Так ни до чего не додумавшись я добежала до Сайкиного дома. Дирк уже пошел на стройку, как раз мне навстречу попался. А Сайка готовила сыры к Салине нести. Те, что в ночную смену сварены были. Я помочь, конечно, вызвалась. Мне все равно в правление нужно.

– Малла, – Сайка не умела долго молчать, – мне тут господин Гририх рассказал, что ты ему про другие молочные продукты говорила. Я хочу попробовать что-нибудь еще придумать... из сыворотки сырной. У меня прямо душа кровью обливается, когда мы ее выливаем. Все мне кажется, глоты из ведер в землю уходят... Может быть попробовать из него творог сделать? Как думаешь? Получится?

– Я не знаю, – пожала плечами, – Сайка, я же ничем таким не интересовалась никогда. Давай попробуем прямо сейчас...

Так мы получили еще один вид сыра, который назвали Сывороточным. Очень мягкий и нежный, с приятный вкусом. Получалось не так много, где-то с полмешочка (*половина кг) с ведра молока, но фактически из ничего же. Из отходов. Делать мы его стали с разными добавками, очень уж к нему и укроп, и розки ложились.

Первую партию мы сразу же в то утро отнесли Салине. И как водится забрала ее на пробу королевская кухня.

Возле правления с раннего утра толпился народ. Купцы, которые с вечера очередь за сырами занимали, вдовушки, которые у нас в колхозе числились, но постоянного места работы не имели. Мы их каждое утро на самый тяжелый участок определяли. Весь последний месяц ходили они в поля кашку собирать. Так что я долго не думала, что с ними делать.

Купцы все дружно к Анье в лавку побежали. За сырами и овощами, которые мои овощеводки уже приволокли с утра.

Обычно после этого площадь перед правлением пустела, но не сегодня. Пара десятков мужчин подозрительной наружности, так и остались сидеть на лавочках, что мы для купцов расставили. Сами вроде в простых рубашках, а видно люди не простые... не бывают у мужиков деревенских такого цепкого взгляда, такой кошачьей грации в движениях, и спокойной уверенности в своих силах.

– Девушка, – подал голос один из них. Самый старший на вид. У него у одного виски с сединой были, – нам бы председателя вашего увидеть, господина Гририха...

А мне будто бы ледяной водой за шиворот плеснули. Не ждали мы сегодня никого и ничего.

– Господин Гририх сегодня в Варн уехал, вечером только будет, – сначала я хотела свалить все на него, но потом передумала... все равно же придется когда-нибудь начинать председателем по настоящему быть. Почему бы не сегодня? Даже если ошибусь, ничего страшного. Ну, не побьют же меня, – а что вы хотели?

– Вот беда-то, – вздохнул мужчина. Симпатичный между прочим. Высоченный, статный, настоящий богатырь и выправкой на господина Гририха очень похож. Как встал он, так сразу понятно стало, что тоже из воинов. И голос такой приятный, низкий, – подождем мы тогда... есть у вас в колхозе, где можно день провести, не на улице же сидеть до вечера...

– И не нужно вам до вечера на улице сидеть, – улыбнулась я, тщательно скрывая страх, – пройдемте в правление. Со вчерашнего дня в колхозе новый председатель. И он на месте.

– Неужто господин Орбрэн у вас теперь председательствует? – усмехнулся богатырь, – неожиданно...

– Нет, – еще шире растянула я губы в улыбке, – не он. А я... Меня Малла зовут. А вас?

– Добрей кличут, – кивнул он и протянул мне руку, – рад знакомству, Малла... Раз уж вы председатель, так значит мы к вам.

Пожала я руку протянутую, а у самой от счастья, что приняли меня всерьез, без шуток, сердечко-то и застучало. И еще украдкой взглянула на Добрю... эх... что же меня угораздило замуж за негодяя выйти? Вот такого надо было мужика выбирать. И красивый, и обходительный, и со всем уважением. А что виски седые, да морщинки в уголках глаз... Да разве когда возраст настоящего мужчину портил? Этот уж хватать и кричать, что дура я, не будет. И имя-то какое подходящее...

– Услышали мы от людей добрых, – гудел Добря, – что удивительные вещи творятся в колхозе вашем. Цыплята без кур выводятся, сотни коров по лугам бродят, чистыми гротами доятся, что овощи невиданные у вас растут... и всем вдовушки в одиночку управляют. Не поверили сначала, думали брешут люди. А тут купец к нам на заставу приехал, и рассказал, что сам у вас был, сам все видел. Вот мы с однополчанами и решили, что после службы к вам отправимся. На чудеса поглядеть. Все равно отставка близко. А родни ни у кого не осталось. Женами мы не обзавелись, не хотелось вдовами их оставлять. Вот и пришли... может у вас найдется работа какая для двадцати здоровых мужиков? Очень уж мы по труду крестьянскому соскучились. Все из простых... а там глядишь, присмотрим женушек себе, да насовсем и останемся...

Даже если бы я не растаяла от обаяния этого простого мужика, то все равно бы их не отпустила. Раз они готовы создать семью, значит надо хватать их за руки и за ноги. У нас сто пятнадцать... ой, сто четырнадцать, Грайя же уехала... вдов еще осталось. И они меня никогда не простят, если я женихов из колхоза заверну.

– Очень хорошо, – теперь я улыбалась искренне, и страх куда-то пропал, и уверенность появилась, – а что вы умеете?

– Ну, дак... все... – вскинул брови Добря, – за скотиной ухаживать, кашку сеять, рубить, пилить, строгать... все умеем... Дары у нас у всех, правда, воинские... но это даже хорошо же? Если что мы и в драке на вашу сторону станем...

Он повел плечами так, что я невольно залюбовалась... вот же повезет кому-то... эх... быстрее надо учиться силами управлять, и развод просить. Может и на мое счастье такой богатырь найдется...

А! Кошмар меня подери! О деле надо думать! О деле!

– Хорошо, – проморгалась я, – в колхоз я вас пока взять не могу, надо чтоб колхозники одобрили. А собрание только в следующей семидневке будет, во Второй день. Но работу найду и жильем обеспечу. Бабы вас на постой к себе с радостью возьмут. А кто не захочет... у нас пара домиков свободных осталось еще...

– Договорились, хозяйюшка, – улыбнулся Добря... не зря его так называли, ох, не зря... и не имя это, а прозвище скорее. Вон какие глаза добрые. Так и тянет улыбаться вместе с ним. И счастье от одной его улыбки изнутри поднимается...

– Вы сегодня по колхозу погуляйте, с жильем определитесь, а завтра уже на работы. Обедом я вас накормлю, – я замолчала решая что делать. То ли домой пригласить, то ли сюда в правление кашу принести...

– Хозяйюшка, – влез в паузу богатырь, – не стоит утруждаться. Вы нам ключи от домиков-то выдайте. Мы обживаться будем. У нас запасы свои есть. Мы ими еще пару недель переждемся. А кто к бабам на постой пойдет долю выделим. Нахлебниками не будем. А там, глядишь, и сами чего заработаем...

– Вы так уверены, что не найдете никого, кто вас на постой примет? – улыбнулась я.

– Может кто и примет, – пожал плечами Добря, – но я сам уже ни к кому не пойду...

Кошмар меня подери! И так посмотрел на меня, что я как девчонка покраснела... аж до слез...

А он хмыкнул довольно, встал, поклонился слегка и, задев плечами широкими проем дверной, вышел, оставив приходить в себя глупую бабу... вот такой мужик в доме должен быть... кошмар меня подери... вот не везет мне на мужиков... вечно какие-то не такие попадают: то зайка-алкоголик, то герцог Древних Кровей... а я простого хочу. Нормального.

Пару долек (*минут) продышалась, взяла ключи от домов свободных, которые у нас вроде дежурного жилья были. И пошли мы цепочкой по деревне: я маленькая, Добре едва до плеча достаю, и за мной двадцать богатырей...

Бабы как уж углядели процессию нашу, вроде же все работали, делом заняты были, но к домишкам на окраине мы уже толпой подходили. И возле каждого мужчины уже по паре тройке баб толкалось. Расспрашивали что к чему, на постой зазывали, хихикали, глазки строили...

Только Добря так один и шел. Как-то получалось у него одним взглядом от внимания женского избавляться...

Глава 3

А возле дома, куда я постояльцев вела, Орбрэн нарисовался. Стоял мрачный, как туча грозовая, заборчик подпирал.

Как толпа наша ближе подошла, заговорил, к Добре обращаясь.

– Что вы здесь делаете?

– Ну, дак, господин Орбрэн, – весело ответил ему Добря, – в отставке мы теперь, вот и решили в колхоз чудесный приехать. Мы люди простые, нам где крыша над головой есть, там и дом. А если работу дают, да бабы свободные под рукой, то чего же...

– Я не про них, – Орбрэн все так же хмуро кивнул на остальных вояк, – я про вас. Какого Арра вас сюда принесло?!

Ну да... Орбрэн как всегда в своем репертуаре. Грубость и хамство... кто его, вообще, воспитывал. А еще дворянин.

– Орбрэн, хватит грубить. Добря со своими парнями нам нужен. У нас, если ты не забыл больше сотни вдов, которым замуж выходить надо, – влезла я. Жена я ему в конце-концов или не жена... пусть даже об этом пока в деревне так никто и не знает.

– Малла, он, – криво ухмыльнулся Орбрэн и кивнул на Добрю, – сюда не жениться приехал...

– Ну-у, почему, – протянул Добря с такой же ясной улыбкой, – была бы хозяйшкa свободна, ни секунды бы не раздумывал. Это некоторые свое счастье не ценят...

Ох, ну что за мужчина! Правильно говорят, женщины ушами любят. Я прямо на себе это сейчас почувствовала. А Орбрэн зарычал просто. Его аж перекосило от злости. Ничего не понимаю. Чего это он так реагирует. Да даже если что-то и будет у нас с Добрей... У нас же свободные отношения. Сам же говорил: у тебя своя жизнь, у меня своя жизнь.

– Малла, отдай ему ключи и пошли домой, – приказал мне Орбрэн.

Да таким тоном, что я непроизвольно дернулась, чтобы все так, как он просит, сделать.

– Да что ты себе позволяешь?! – вспыхнула я, – что ты тут раскомандовался!

– Может быть потому, что ты моя жена?! А сама идешь и глазки мужикам посторонним строишь?!

– Ой! Мамочки! – слышались крики, – жена?! Малла жена господина Орбрэна?! Что?! Жена?! Кто жена?! Чья жена?! А кто муж-то?!

А я уже открыла было рот, чтобы разорваться от злости, да вовремя поняла. Испорчу себе репутацию. Нельзя истерику устраивать. Век потом не отмоюсь. Бабы меня просто не поймут. Решат, что я гулящая. А это здесь ой-как не приветствуется! И оправдываться нельзя. Оправданиям без Оракула здесь никто не верит. Как впрочем и обвинениям... значит не поверил никто, что Орбрэн всерьез... со злости, да... но не всерьез... хотя да... половина правды в его словах есть. Я ведь жена.

Но и промолчать нельзя. Меня эти же бабы уважать перестанут. Поэтому нос выше головы задрала, улыбнулась и, нарочито тяжело вздохнув, выдала такую же полуправду:

– А что делать, если муженек не способен оказался?! Вы не поверите, бабоньки, каждую ночь от меня в другую спальню бегают... боится... А я что? Я со всем усердием, – добавила ехидно, – мужа почитать готова...

Ключи от дома Добре в руку сунула, и гордо назад отправилась. А за моей спиной тишина осталась. Как будто бы не вся деревня там собралась, а никого нет...

А потом сочным густым басом захохотал Добря... а потом и все остальные подхватили...

Да... может быть не хорошо, все же Орбрэна перед всей деревней опозорила. Но мне так радостно на сердце стало. Будто бы я негодяю этому за все его гадости отомстила.

Надеюсь, он меня теперь не задушит подушкой... или не припрется того... доказывать...

Вечерело. Я сидела в правлении, дожидаясь господина Гририха... Хотя чего врать самой себе, просто домой было страшно возвращаться.

Весь день вся деревня гудела как перепуганный рой. Только и обсуждали новость, что я замуж за господина Орбрена вышла. Даже том, что я при всем честном народе неспособным его назвала никто и не вспомнил, настолько всех удивил сам факт нашей женитьбы.

Вторая половина дня пошла коту под хвост, потому что у всех сразу появились архиважные вопросы к председателю колхоза, то бишь ко мне. И бабы по одному, по две устроили паломничество в правление, с единственным вопросом, который их интересовал: «А правда ли...?» И я устала отвечать, что да, правда. Потом бабы пытались правдами неправдами вытянуть из меня подробности. Но тут я уже молчала, как партизан на допросе.

Приходила Рыска. Сказала, что ей обидно... но она меня понимает. Слишком много тут баб незамужних. Сама молчала о том, что Сильв за ней ухаживает. Это строитель с Даром из бригады Орбрена, пояснила она, когда увидела, что я ничего не помню...

– Малла. – в дверь заглянул хмурый Орбрэн, – пойдем домой. Тебе еще учиться надо... и... прости меня... я сам не знаю, что на меня нашло. Просто Добря... он... такой бабник, Малла. То с одной, то с другой... мне не хотелось, чтобы он тебе сделал больно.

– Да я ничего и не собиралась, – вяло ответила я, – и ты меня прости... надо было сказать что-нибудь другое.

– Ерунда, – вдруг рассмеялся Орбрэн, – это было очень забавно.

И мы пошли домой. Вместе. Как будто бы мы настоящая семья. А бабы из-за заборов подглядывали и шептались...

Я так устала, что почти не помню, как учила и отвечала уроки. Но все опять уложилось в голову с первого раза. И я легко выучила то, о чем говорилось в следующих главах истории.

После того, как люди вернулись в Гвенар и скопили достаточно Древней крови, чтобы стали появляться первые Ведающие, мечта о независимости стала казаться им чуточку реальнее.

А потом была найдена библиотека, оставленная Арром. И история мира и его Предательства предстала во всей своей неприглядной красе перед потомками. Искупление было принято, но простить Арра никто так и не смог.

Ведающие изучали книги, возрождались, но все еще были недостаточно сильны, чтобы управлять Оракулом.

С момента его запуска прошло уже больше пятисот тысяч лет, и он уже зарядился магией под завязку. Но так и остался неактивным, вроде маленького черного пятнышка на солнце. Самые сильные Ведающие из существующих так и не смогли пробудить его. Слишком мало в них было Древней крови.

Но они не опускали руки. И искали возможность открыть портал в Мидгард, ведь там должны были жить потомки тех, кто спасся. Работа длилась не один век. Поиски надо было держать втайне от приспешников хозяев. Даже Ведающие были рабами Хадоа.

Около тысячи лет назад в рядах Ведающих снова появился предатель. И хадоа направили воинов, чтобы уничтожить всех, кто посмел думать о сопротивлении. И тогда Ведающие рискнули. Они открыли портал по незаконченным расчетам. И оттуда в этот мир шагнула прекрасная Дева чистой Древней крови.

Она пробудила Оракула и защитная пелена накрыла Гвенар. Но силы одного человека даже с самой чистой кровью не хватило на весь мир. И от власти Хадоа освободилась только небольшая его часть. Самая дальняя от портала, а потому самая безлюдная. С тех пор часть мира свободна, а часть находится под гнетом поработителей.

А Дева вышла замуж за самого сильного Ведающего, ставшего королем нового Гвенара. И с тех пор тысячу лет в мире правят потомки Ведающего и Девы.

Оказалось, что только пара способна включать Оракула, который выключается при каждом солнечном затмении. Даже частичном. И случается это несколько раз в год.

Хадоа взбесились от того, что рабы получили свободу и до сих пор пытаются уничтожить Гвенар. А Гвенар вынужден уступать Хадоа, потому что у них в заложниках вторая половина мира.

Побежали дни. Забот было столько, что я не успевала считать семидневки. Весь день я работала в колхозе, вечером училась, и засыпала сразу, как только голова касалась подушки. Особенно тяжело было в первые несколько недель. Я нередко тайком плакала от бессилия. Колхозники меня не слушались, Силы не подчинялись, и я не видела никакого просвета впереди. Если бы не господин Гририх, я бы все бросила. Но он терпеливо изо дня в день учил меня быть руководителем, учил правильно говорить с людьми, понимать проблемы колхоза и сотрудников, видеть свои ошибки и ошибки других людей.

Только благодаря ему, мы справлялись. Настроили работу фермы, закончили строительство сыроварни и запустили там производство сыров. После изменения стало настолько легко работать с нашими сорока коровами, что мы за месяц удвоили наше стадо и задумали строительство телятника на сто телят. Ведь совсем скоро он нам понадобится.

А на следующий год мы запланировали увеличить ферму до двух сотен голов. Можно было бы больше, но мешала очень скудная кормовая база. Коров в Гвенрае кормили травой, сеном и неизменной синей кашей. Когда у нас будет достаточно зерна, мы сможем без труда содержать гораздо больше. Рыска подтвердила, что на такой подкормке, коровы будут расти и доиться намного лучше. И грозила Сайке залить молоком ее сыроварню.

Сыроварня под руководством совершенно не изменившейся после замужества Сайки стала идеальным образцом хозяйствования. Я туда даже не лезла, она со всем с самого первого дня справлялась сама. Строила своих девчонок, покрикивала на Рыску, если вдруг молоко было не того качества. В сыроварне царил идеальная чистота. Белоснежные халаты, стерильно чистые столы и посуда... и улыбающиеся колхозницы, варят сыры. Их у нас было уже четыре вида: Яблочный, придуманный самым первым, Твердый на сычужном ферменте, Горячий – твердый сыр, плавленый в кипятке, и Сывороточный, похожий на творожный.

Сайке так понравилось придумывать новые продукты, что теперь в сыроварне у нас появилась лаборатория, где она помимо новых сыров изобретала йогурт и кефир. Пока получалось не совсем то, что надо, но она не отчаивалась, и квасила все новые и новые порции молока разными способами.

Еще мы отстроили большой птичник с выгулом и цыплятником, наконец освободив дом Глаи от кур. Избушка на курьих ножках переехала в специальную пристройку при цыплятнике. Цыплята росли, и мы уже стали отсаживать лишних молоденьких петушков на откорм, скоро можно будет продавать мясо. Глая стала руководить птичником, с нашей помощью распределив обязанности между бригадами и организовав дежурство в Избушке, которая специально строилась так, чтобы хорошо держать температуру и влажность. Сильв сам лично строил инкубатор, используя свой Дар.

Огород тоже радовал. Огурцы, помидоры, перцы и баклажаны продолжали плодоносить, хотя по календарю нашего мира уже закончился август. Да, овощей стало совсем немного, и все забирала королевская кухня специально для королевы-сыроедки и ее гостей. Еще мы собрали довольно большой урожай моркови, свеклы, кукурузы, фасоли... Климат в Гвенаре оказался существенно теплее, а мой Дар позволил довольно сильно продлить плодоношение поэтому огород все еще оставался зеленым и радовал глаз.

В моей школке выросла отличная картошка, пшеница, овес и рожь. На следующий год можно будет засеять злаками небольшие участки полей в половинку доли (*сотки). А вот если смогу сохранить всю картошку, то можно будет замахнуться и на пару долей земли. И это из щепотки семян! Видать сильно я картошку хотела.

Глава 4

Мастерские тоже не отставали. Белоснежные рабочие халаты, которые не пачкались, оказались востребованы так, что нам пришлось еще часть колхозниц перевести швеями.

Нана пока ткала одна, но качество и цена на ее работу были довольно высоки, и никто даже не сомневался в дальнейшем успехе ткацкой мастерской. Пусть она не Великий мастер, как отец, но поддерживать Даром пару-тройку станков сможет. Да и без Дара можно ткать материю на те же халаты. Ведь в них главное – пропитка.

Зарна, пока меня не было, изобрела Новое Стекло (*аналог закаленного стекла). И теперь всюду выдувала кувшины для молока, а после моей подсказки графины и стаканы. Купцы забирали все в драку по баснословным ценам. Такого товара не было во всем Гвенаре. Правда банки и консервирование пришлось отложить. У нас не было кузнеца... и, вообще, с железом и другим металлом в Гвенаро было тяжело. Были мастера ювелиры, которые делали украшения, но... зачем нам крышки с инкрустацией? Нам бы подешевле. Как можно дешевле.

Все остальные задумки, о которых мы говорили с господином Гририхом, пришлось придерживаться. У нас не хватало на них не средств, у нас не хватало на них времени. Я уходила на работу с рассветом и возвращалась поздно вечером. Хорошо, что Вилина за нами с господином Гририхом присматривала. Кормила вовремя, домой выгоняла из правления, а то бы мы и есть, и спать забывали бы. Правильно господин Гририх отказался от должности председателя. Один бы он ни за что не справился. Пусть по началу пользы от меня было, как от быка молока, но учиться пришлось быстро. И колхоз, и сама деревня развивались семимильными шагами.

Двадцать отставных солдат отлично вписались в наш дружный коллектив, организовав еще две бригады строителей. Это оказалась самая востребованная в колхозе мужская профессия. И за полтора месяца мы построили сыроварню, птичник и две мастерские: ткацкую и швейную. И сейчас всюду шла стройка, благо погода в середине шестого месяца все еще была по летнему теплой.

Первая бригада строила мастерскую для стекольщиков, вторая – овощехранилище, а третья переносила дома из центра на окраины... мы решили освободить центр деревни, чтобы устроить там постоянное торжище с магазинами и лавками. Еще была задумка построить гостиницу, ведь скоро зима, купцам будет холодно спать на улице, как летом. Да и неправильно это как-то оставлять их без крыши над головой.

И насколько успешно продвигался колхоз, настолько безуспешным было мое обучение. Иногда я мечтала прокрасться ночью в спальню к Орброну и задушить его подушкой. Я даже в школе столько всего не учила, сколько он в меня впихнуть пытался. При этом теорию я всегда запоминала с первого раза, что было очень непривычно, ведь в школе у меня в голове, вообще, ничего не держалось. Может быть стимул в виде кровати и сладкого сна действовал? Но на все вопросы наставника я отвечала легко. Даже когда он меня ночью будил. А вот применить знания на практике не получалось.

«Улетать» к Оракулу от эмоционального всплеска я перестала через несколько дней. Орбрен перепробовал разные способы привести меня в чувство, кроме пощечин. Самым действенным оказалась как ни странно щекотка. Я дергалась и падала. Так и научилась.

Но стоило попытаться коснуться Жара, как Оракул снова тащил меня к себе. И даже ежедневные тренировки ничего не могли изменить. Орбрен нервничал, он не понимал, почему так происходит. Я психовала. Но результат оставался прежним. Нулевым.

И мы уже совсем отчаялись, и я иногда даже мечтала, чтобы никаких Сил у меня не было.

С Орбреном после того, как наша тайна раскрылась, установился какой-то спокойный дружелюбный нейтралитет. Мы перестали видеть друг друга врагов, хотя и другом я бы его не

назвала. Мы жили в одном доме, и даже хозяйство вели одно, но были друг другу скорее просто соседями... А слухи в деревне как-то быстро успокоились, все быстро привыкли, что мы семья.

Тем более за этот месяц мы сыграли еще четыре свадьбы: Нана вышла замуж за одного из новеньких воинов – Памфима. Дары у них оказались примерно одинаковые, поэтому Совет тоже одобрил этот брак. Тогда я впервые увидела как красиво, когда энергии равных одаренных объединяются сами. Они как рыбки приникают друг к другу... чем-то очень похоже на китайский или японский символ... не помню, как он там называется... обозначающий мужское и женское начало.

Остальные три жениха были из «стареньких» строителей, без Дара. Как и невесты: две доярочки и моя овощеводка.

А мне каждую ночь снился Орландо. Протягивал ко мне руки от порога и звал домой. Первое время я еще сомневалась, стоит идти за ним или нет, но потом принялась уговаривать его уйти. Оставить меня в покое. Потому что... потому что не было у меня к нему больше никаких чувств. Ни любви не было. Той странной, которая вынуждала меня падать в пропасть вместе с этим алкоголиком. Ни ненависти... ничего. Просто какое-то спокойное равнодушие.

И, вообще, чем сильнее у меня рос живот, тем больше я думала о ребенке, а не о мужчинах... Хотя был Добря... я до сих пор не могла смотреть на него спокойно. Он казался мне идеалом, воплощением мечты. Но в то же время, я понимала, вместе нам не быть. По крайней мере пока я замужем. Даже если мой брак фиктивный, я не смогу переступить эту черту.

И я просто старалась меньше попадаться ему на глаза... потому что тогда мое одиночество становилось нестерпимым. А он, как всегда приветливо улыбался и норовил взять меня за руку своими лапищами.

Вопреки характеристике Орбрена, Добря так ни с кем и не сошелся. Руководил обеими бригадами, жил с остальными однополчанами в тех же домиках, устроив там что-то вроде казарм. Каждое утро бабы облепляли забор, чтобы увидеть, как двадцать мужиков, голые по пояс, занимаются воинской наукой... Даже я один раз не утерпела и присоединилась. У меня потом несколько дней либидо в узел сворачивалось от желания... А потом прошло все... почти бесследно. Только я стала бегать от Добри...

Мне нравилась моя новая жизнь. Я уже почти успокоилась. Пока мой подросток сынишка не стал давить на мочевого пузырь, вынуждая бегать в туалет каждые пятнадцать минут. Даже ночью.

И тогда, не сразу конечно, я заметила некую странность... вокруг моего дома дежурили строители из бригады Добри... Каждую ночь. Я спросила у него, вроде как между делом, но он своей обаятельной улыбкой сбил меня с мысли, и легко переел разговор на другое... а когда я стала настаивать, ответил, что мальчикам нужны тренировки, Дар требует. А я председатель, подходящий «объект» для охраны. Но, хотя его объяснение было логичным, я почему-то не поверила. Особенно после того, как Орбрен заколотил мое окно, сказав, что мне нужно спать подольше, а не вставать с первыми лучами солнца, и поставил мне в комнате ведро за шторочку, чтобы я не бегала по ночам на улицу, а сам стал ночевать под моей дверью... чтобы я не выходила...

Наверное, моя внутренняя настороженность и готовность к каким-то неприятностям и помогла мне проснуться вовремя, когда неприятности начались.

Мне как обычно приснился Орландо. Сначала он как всегда уговаривал меня пойти с ним. Но вместо того, чтобы стоять за порогом, внезапно шагнул в дом и схватил меня за руку. И умолять стал:

– Малла, я не могу больше ждать... пойдем со мной... у меня осталось совсем мало времени...

Его прикосновение было страшным. Каким-то мертвым, потусторонним, а за его спиной я увидела что-то еще более ужасное. От чего волосы вставали дыбом, а дыхание перехваты-

вал спазм.... я попыталась вырвать руку... и проснулась, обливаясь холодным потом и тяжело дыша.

Тьма в углах моей комнаты снова ожила. Казалось она пробирается ко мне... дрожащей рукой, не с первого раза я запалила лучину. Но даже огонек не смог вытеснить тьму вокруг себя. Она жила и даже дышала... мне показалось, что я слышу, как стучит ее сердце...

Такого липкого страха, лишаящего разума, я не испытывала никогда в жизни. И сломя голову вылетела из комнаты. Мне нужен был Орбрэн. Мне нужен был хоть кто-нибудь. Живой.

Орбрэн обычно спал на лавке в прихожей-кухне, и я хотела просто посидеть рядом с ним... пока не успокоюсь и не отойду от кошмара. Но постель оказалась пуста.

Здесь, вне моей спальни, тьма была обычная и совсем не страшная. И меня стало отпускать. Хотя вернуться в свою комнату я не смогла бы ни за какие коврижки. Я заглянула в комнату к Орбрэну, но и там его не оказалось. Почему-то мне стало обидно... я, значит, как примерная жена ни-ни, а он где-то шляется?

Не знаю, чем я думала, но я отправилась в деревню на поиски. Далеко, правда, не ушла... нашелся мой негодяйский муженек...

– Орбрэн, – Добря непривычно серьезно и строго выговаривал моему мужу за забором, – не нравится мне то, что происходит... я не могу почувствовать откуда идет угроза... Мы, конечно, взяли деревню в кольцо, но Малле угрожают не хадоа... это что-то другое... я не могу понять... Дар молчит... чую, что все серьезно и все... почему ты уверен, что это не арровы ведьмы? Если бы ты спросил меня, то я бы поставил на них... И тогда никакая внешняя охрана не убережет Маллу.

– Нет, – ответил мой муженек, – вы же знаете откуда Малла... Ее предыдущий брак не может быть одобрен Оракулом. Но даже если допустить, что она каким-то образом умудрилась сделать это здесь, без него... Брантир говорил, что она фактически не вдова, ее супруг остался там. Живой и здоровый.

– Он был живой и здоровый, – веско заметил Добря, – и ты же знаешь, что одобрение Оракула всего лишь формальность. Если произошло слияние энергий, то вам суждено быть вместе. В любом случае. А если принять во внимание силу вашего сына... Орбрэн, ее бывший муж должен быть очень сильным Ведающим. Возможно, при таком уровне силы даже в Мидгарде у них могло произойти слияние...

– Но ее величество...

– Ее величество, Орбрэн, против Маллы, как ребенок против воина. Не сравнивай. Она могла не видеть и не знать...

– Малла тоже говорит, что у них нет магии...

– Что же... Может быть ты и прав... И Малла совсем не выглядит так, как после навещенный сновидений... она не грустит и не плачет. Она выглядит вполне нормальной. Если только... если только мы чего-то не знаем. С ней, сын, ни в чем нельзя быть уверенным.

– Я вам не сын, – огрызнулся Орбрэн, – в любом случае, сороковой день не скоро. Если это арровы ведьмы... у нас еще есть время.

– Ты идиот, – хмуро ответил Добря, – давно бы наведлся к ней в спальню... ну, или кого-нибудь другого пустил.

– Например, вас? – зашипел Орбрэн.

– Например меня, – спокойно ответил Добря, – я не понимаю, почему ты до сих пор тянешь. Она твоя жена, Орбрэн. Ты имеешь право.

– Я ей не нужен... Она совсем не обращает на меня внимания.

– Привык, что бабы за тобой сами бегают? – хмыкнул Добря, – ради такой женщины, можно и зад поднять. И побегать за ней. И красавица, и умница, и по Силе... не ошибусь, если скажу, что ты против нее, как бывшие королевы против его величества. А ты даже улыбнуться лишней раз ей не можешь.

– Я не нуждаюсь в ваших советах! И не смейте к ней приближаться! – зарычал Орбрен.
– Как знаешь...
Они замолчали, и разошлись в разные стороны.

Глава 5

А я стояла, заткнув рот кулаком, чтобы не закричать... Теперь мне все стало понятно... Это были не просто сны. Это были наведенные сны арровых ведьм. И если бы я пошла с ним, то стала бы арровой ведьмой. Но я не пошла. Потому что давно люблю другого. Кажется.

Но Орландо... неужели он умер? Ведь мог. С его-то образом жизни. Мог... и сорок дней эти. Явно не просто так. Слишком уж говорящие. Считается, что сорок дней после смерти душа может скитаться по земле. А вдруг ей доступны и другие миры? И он прилетел проведать жену?

Хотя... это странно. Почему Орландо зовет меня Маллой? Я ведь Алла. Вот уж скажешь спасибо его светлости, за то, что изменил мое имя. Если бы не это, я бы пожалуй, не догадалась бы, что Орландо не настоящий. А значит все это происки арровых ведьм.

Но что им нужно, в конце-то концов? Нет бы подойти и прямо сказать, так, мол, и так, Малла, хотим, то-то и то-то... но нет. Правда на Гвенаре слишком большая роскошь.

А Добря? Я-то им восхищалась, а это все, оказывается было нарочно. Он нарочно мне в душу влез, чтобы в постель влезть? И зачем ему это? Мне, конечно, лестно думать, что такой, как он обратил внимание на меня, но я-то знаю свой потолок: зайка-алкоголик и хамоватый герцог...

Хотя...если он еще и отец Орбрена... значит тоже светлость. Или, вообще, папаша-король. Обманщик-король – идеальный вариант в компанию. И тоже неизвестно, что он от меня хочет. Да по сравнению с ними Орландо не так уж и плох. Он хотя бы никогда не врал так глобально. Я с первого дня знала, что он любитель выпить и лентяй...

Если представить, что Добря из высшей аристократии, то становится понятно, почему Орбрэн так возмущался, когда тот сам приехал. Где это видано, чтобы герцоги мастерские в колхозе строили? Или навоз кидали?

Так что может я все не так поняла? Ведь никто не заметил, что он врал?

А еще Добря, раз называл Орбрена сыном, мой свекр. И тогда все становится еще непонятнее! Как он тогда мог улыбаться мне совсем не как невестке? Причем прямо при своем сыне, моем муже?! А значит от меня опять что-то скрывают.

Кошмар меня подери! Что за мир-то такой?! Кругом вранье! Ложь на лжи! А еще говорят, что Оракул следит! Как же! Следит он!

А я же так старалась! Так старалась быть достойной! Училась, работала! А они все равно считают меня душой. Что-то решают за моей спиной и ничего мне не говорят!

Я захлебнулась воздухом... стало так больно. Рванула в спальню и разрыдалась, уткнувшись в подушку... Ревела я самозабвенно, от всей души, выплескивая обиды за весь месяц, когда старалась быть серьезным председателем колхоза, а не собой... когда ломала себя, легкомысленную девчонку, превращая во взрослую серьезную женщину...

Как они могли так поступить со мной?! Я ведь им верила! Я им доверяла!

– Малла? – Орбрэн осторожно тронул меня за плечо, – что случилось?

– Пошли вон, – заорала я изо всех сил, – вон из моей комнаты! Кто вам позволил заходить ко мне?!

– Малла, – он и не подумал уходить, – ты, вообще-то в моей комнате. Скажи мне, что случилось? С тобой все в порядке?

– Мне все равно! Вон из моего дома! – я никак не могла успокоиться, меня уже трясло...

– Апп, – выдохнул Орбрэн и вместо того, чтобы уйти, попытался обнять меня... вот зря он это сделал... теперь-то я знаю, что ему нужно затащить меня в постель... Да только не бывать этому. Даже если мне нравится наша с ним семейная жизнь. Даже если я сама уже иногда думала о том, что можно было бы попробовать наладить наши отношения.

А ему всего лишь нужно переспать со мной, чтобы объект охраны избавился от навешенных снов арровых ведьм... Какой удобный способ, можно со всеми вдовами подряд спать, ради их же блага. Вот так они «избавляют» вдов от влияния арровых ведьм!

И господин Гририх... он еще хвастался, что у него в поселении столько лет ни одной арровой ведьмы не появилось. Как подумаю, как он это сделал... Фу! Мерзко! А я ему доверя...

Негодяйский негодяй легко шлепнул меня ладонью по лбу и я провалилась с сон, даже не додумав мысль...

Проснулась я утром. В своей постели... я помнила, что ночью что-то случилось, но что именно? Нет... вспомнить я так ничего и не смогла. Все стерлось из памяти, остались только какие-то образы... Орландо, Орбрэн, Добря... ничего не понимаю... Как эти три личности могут фигурировать в моих воспоминаниях одновременно? Это очень странно... и когда я начинаю о этом думать, на душе становится гадко и начинает болеть голова. Надо разобраться... не люблю тайны от самой себя.

В течении дня подумать об этом не получится. Некогда будет. Но я поставила себе зарубку на память, вернуться к этим мыслям попозже и попытаться вспомнить. Почему-то мне это казалось важным...

В правлении меня уже ждали Салина, Рыска, Сайка, Орбрэн и остальные руководители по направлениям. Господин Гририх в последнее время все чаще ездил в Вард, но я уже справлялась сама.

Мы как обычно обсуждали текущие задачи, согласовывали действия между собой, планировали, что будем делать сегодня и накидывали планы на ближайшие дни. Такие собрания я ввела не так давно, когда оказалось, что система должна быть не только в каждой службе отдельно, но и во всем предприятии в целом. Мне же папа рассказывал, что у них на заводе мастер часто ходил на какие-то оперативки... и вот только сейчас, будучи председателем, я наконец-то разобралась, что это за оперативки и зачем они нужны.

– Рыска, – Салина сверилась со своими записями. Она пока единственная из всех записывала все по своей купеческой привычке вести учет. Но я уже обдумывала мысль, что нам всем нужны записные книжки. Их здесь, кстати, тоже не было. – Сегодня к тебе приедут шесть возов сена. И два кашки. Примерно к полудню. Надо, чтобы все разгрузили как можно быстрее. Им еще домой добираться полдня. Малла, – обратилась она ко мне, – мы уже выбрали все свободное сено по всей округе. На следующий год, с учетом пополнения стада, мы не сможем купить столько, чтобы прокормить всех коров. Нам нужно слишком много...

– Малла, – подала голос Рыска, – мои доярки не смогут быстро разгрузить столько. Нам бы хотя бы пару мужчин в помощь. Иначе мы провозимся до вечера.

– У меня сегодня свободных нет, – отрезал непривычно хмурый Орбрэн, – мы переносим Сайкин дом. Нужны будут все. Иначе до вечера не управимся.

– Вот-вот, – подала голос Сайка, – я и так столько времени жила в сыроварне, так что не нужно оставлять меня без крыши над головой... может с кашки снять? Ну соберут сегодня меньше... завтра наверстают...

– Тогда хотя бы одного, – Рыска посмотрела на меня с надеждой, – поставлю его на сеновал. Там высоко закидывать нужно. Девочки устают быстро.

– Да, – Сайка согласно кивнула, – хотя бы одного тебе надо... господин Орбрэн, отпустите кого-нибудь, а я сама встану в вашу бригаду.

– Хорош... – начал было Орбрэн, но я его перебила:

– Нет. Сайка тебе нельзя.

– Почему это?! – возмутилась Сайка, и все удивленно уставились на меня.

А я смутилась... ну, то, что я узнала про Сайку, было странным.

– Вы только не смейтесь... но... Сайка, если ты сегодня будешь беречь себя, то... ну... у тебя будет ребенок...

– Что?! – все ошарашено смотрели на меня.

– Я так чувствую... понимаешь... у тебя тут, – я ткнула пальцем в живот Сайки, – сейчас все так закручено... я не знаю, как объяснить...

– Сайка, – подала голос Рыска, – а вдруг Малла права...

Все замолчали... А Сайка плакала. Она смотрела на всех нас по очереди, а слезы катились по щекам крупными каплями. Надеюсь, мое ощущение не врет. Это было бы слишком жестоко

– Будут тебе Рыска мужики на разгрузку, – Орбрэн сжал виски... будто бы его тоже сильно взволновала будущая Сайкина беременность. – Мы с Добрей сами встанем... Мне пора. Давайте на сегодня закончим...

И Орбрэн сбежал из правления ни с кем не прощаясь. Очень необычно... Остальные тоже разошлись. Осталась только Сайка...

– Малла, – прошептала она, – ты правда это чувствуешь?

– Чувствую... только... Сайка, я не могу объяснить... понимаешь... как будто бы его еще нет, но вот-вот будет. Я сама не знаю, как такое может быть...

Сайка кивая ушла, а я схватилась за голову. Вот что я наделала? А вдруг мне показалось?

– Малла, – в правление зашли Орбрэн и Добря... хм... я не только не почувствовала ни малейшего расположения к богатырю, но и, наоборот, мне было неприятно его видеть... что же случилось этой ночью? – Ты уверена в том, что сказала Сайке? Орбрэн ничего не видит.

– Нет, – отрицательно помахала головой, – я не знаю. У меня еще такого никогда не было.

– Это может быть правдой. – вздохнул Орбрэн, – и если это так... это многое объясняет...

– Что объясняет? – не поняла я.

– Малла, – добрый Добря был необычайно серьезен, – то что я тебе сейчас расскажу – государственная тайна. Ты поняла? Поклянись Оракулу, что будешь молчать.

– Нет. Я не буду никому клясться. Мне не нужны ваши государственные тайны. Я их знать не хочу...

– Малла...

– Что, Малла?! – занервничала я. Вот зачем мне знать секреты, из-за которых мне потом еще и прилететь может? – Хватит с меня государственных тайн. Мне тех, что я знаю, лишку. Я бы и их с удовольствием не знала. Мне в деревне они совсем ни к чему.

Нет, ну правда. Даже если не считать, что я сама – государственная тайна, ведь никому нельзя говорить кто я и откуда на самом деле. Так я еще с этим Оракулом и своими способностями вляпалась по самое не могу. Зачем мне больше?

Добря расхохотался... Обычно от его смеха у меня замирало сердце. А сегодня ничего. Вообще. Странно... Словно я что-то знаю, а вспомнить не могу. Как будто бы поехала в отпуск и забыла выключила утюг или нет. Начинаешь думать, кажется, что выключила. Только на душе какая-то неясная тревога. И снова начинаешь сомневаться...

– Малла, – вздохнул огорченно Орбрэн, – ты опять ведешь себя как... неправильно.

Ну, ладно хоть прямо душой не назвал. Негодяй!

– Орбрэн, – вздохнула и я точно так же, – ты даже не представляешь насколько ты прав... Почему-то у меня чувство, что я что-то забыла? Как будто бы что-то случилось ночью... вы ничего не заметили?

– Н-ничего, – с запинкой ответил Добря. Но я-то видела, как они с Орбрэном переглянулись, обменявшись многозначительными взглядами.

Угу... я так и поверила... Да у вас у обоих на лице написано, что вы врете. Нагло и бессовестно. Смутная тревога превратилась в уверенность. Меня снова обманывают. Как всегда. Может Оракул перестал работать?

– Врете. Я что-то помню... Вы, Обрен, Орландо...

– Орр-ландо? – снова запнулся Добря... даже в лице переменялся.

– Мой бывший муж...

Добря с Орбреном снова переглянулись... вот ведь негодяи! Снова считают меня душой и что-то скрывают?!

– Апп! – выругалась я впервые по местному, – что тут, вообще, происходит?

– Малла, – осторожно начал Орбрэн, – а ты... бывшего мужа давно видишь?

– Давно... с месяц уже. А то и больше. А что? Что это значит?

– Все же я был прав, – пробормотал Добря и попытался взять меня за руку. Но его прикосновение вопреки обыкновению, было неприятным, и я машинально выдернула кисть из его ладоней, – Малла, мы думаем, что на тебя стали охотиться арровы ведьмы... ты знаешь про наведенные сны?

– Да, – кивнула я, – знаю. И думаю, что все так и есть. Только... я никуда с ним не пойду... ведьм напрасно тратят время...

Может я зря себя накручиваю? И это странное смутное ощущение из этих наведенных снов? А на самом деле все кристально чисто и ясно. Арровы ведьмы хотят сделать меня одной из них, а Добря и Орбрэн на самом деле хотят защитить меня. А Оракул не сломался, просто мне говорят правду?

– Но почему ты мне не сказала, что к тебе приходит бывший муж? – возмутился Орбрэн.

– А почему я должна тебе говорить? – удивилась я, – у нас фиктивный брак. Ты сам по себе, я сама по себе. Ты мне сам это предложил. Сам сказал, что у тебя своя жизнь. Вот и иди, живи своей жизнью, а в мою не лезь.

Добря выразительно посмотрел на Орбрэна и мерзко заржал... да что же со мной сегодня такое? Почему мерзко-то? Он всегда так смеется. Очень залиvisto и заразительно. Еще вчера мне это нравилось. А сейчас вызывает какое-то раздражение...

Злой Орбрэн сжал кулаки и челюсти. Я даже подумала, что он боится разораться или прибить меня на месте. Хотя, что я такого сделала-то? Предупредил бы, что его родств... вот опять. Я точно уверена, что Добря имеет какое-то отношение к Орбрэну. Но стоило об этом подумать, как все сразу улетучивалось, и мои подозрения начинали казаться беспочвенными.

Будто бы мое подсознание что-то знает. То, о чем не знает сознание. Или.. забыло... кошмар меня подери! Что случилось ночью?

– Малла, – обреченно вздохнул Орбрэн, справившись с чувствами, – это же важная информация. Как я могу обеспечить твою безопасность, если ты мне ничего не рассказываешь?

– А зачем тебе обеспечивать мою безопасность? Мне никто не угрожает... насколько я знаю... Если же ты что-то знаешь, о чем не знаю я... значит скажи мне, – приподняла я брови. Сами же говорили, что это всего лишь тренировка. А если что-то изменилось, то пусть уже скажут. Я взрослая женщина и способна справиться со своим страхом. Бежать, как в прошлый раз, точно уже не стану.

– Малла, – Добря опять пустил в ход свои руки, обхватив мои ладони. Но его прикосновения снова почему-то не подействовали, – ты герцогиня. И даже если живешь здесь, в деревне, Орбрэн обязан позаботиться о твоей безопасности.

Я выдернула руку из ладоней Добри... и задумалась. Ну, какой-то резон в этом есть... у нас так-то тоже жены высокопоставленных чиновников с охраной ходят... может все мои сомнения всего лишь игра воображения? И Орбрэн, и Добря точно такие же как всегда. Скорее всего так и есть. Я просто накрутила себя из-за этих наведенных снов.

– Ну, допустим, – согласилась я, – но я-то с Орландо никуда не пошла и не пойду, потому что...

Запнулась... Вот ведь! Чуть не ляпнула то, о чем нельзя говорить. Орбрэн сначала должен научиться уважать меня. Очень уж мне не нравится, как он ко мне относится. Будто я дитя неразумное. А у меня и так проблем по горло. – Так что мне ничего не угрожает, – закончила я.

– Видишь ли... – Обрен сжал кулаки, только теперь я знала, он злиться на кого-то другого, не на меня, – я в этом не уверен. То, что ты сегодня увидела, способны видеть только арровы ведьмы.

Глава 6

-Что?! – ужас пригоршней снега прокатился по позвоночнику, – но я не... или да?..

– Нет, – Добря обаятельно улыбнулся, своей недействующей больше на меня улыбкой, – ты

точно не аррова ведьма. И именно это очень интересно. Как ты смогла увидеть, что вот-вот случится зачатие. Ты полна сюрпризов, Малла...

Вот тут я не поняла... как это «вот-вот случится зачатие»? Наверное, недоумение на моем лице было очень красноречивым.

– Малла, – вздохнул Орбрэн, – в вашем мире разве еще не знают, что когда мужское семя соединяется с женским началом, еще нужно некоторое время на объединение наследственных линий?

Я задумалась. Если перевести эту абракадабру на нормальный язык, то сейчас Орбрэн сказал, что с того момента, как сперматозоид соединится с яйцеклеткой, до объединения мужских и женских генов проходит какое-то время... ну... наверное...

– Ну... может и знают. Просто я об этом никогда не задумывалась...

– Ты появилась у нас как раз в такой период, – добавил Орбрэн, – поэтому никто ничего не заметил. А арровы ведьмы – увидели сразу. И подсустились... тем более Грайя и некоторые другие ее товарки способны определить наличие Древней Крови именно в этот период, еще до зачатия ребенка.

– И это, Малла, и есть государственная тайна, – закончил Добря, – поклянись, что никому не скажешь.

– Но что здесь тайного? – обреченно спросила я, после клятвы... Эти негодяи так и заставили меня узнать то, что я не хотела...

– А как ты думаешь, почему в королевском роду все дети с Древней кровью? – недобро усмехнулся Добря.

Кошмар меня подери! Так они проводят кастинг еще неродившихся детей?! Меня даже затошнило...

– Но зачем?!

– Пока наследные линии не соединились, и зачатие не произошло, человека еще не существует. И Оракул не расценивает это как убийство, – пожал плечами Орбрэн.

– Но это... это же мерзко, – скривилась я.

– Я тоже так... – начал было Орбрэн, но Добря перебил его:

– Малла, у нас нет другого выхода. Нам нужны дети с Древней кровью. Они гарантия независимости Гвенара в будущем.

– И гарантия сохранности вашей власти, – добавил недовольный Орбрэн.

– Замолчи, – резко бросил ему Добря и улыбнулся мне, влюбленно глядя добрыми-предобрыми глазами, – у нас нет другого выхода, Малла. И мы вынуждены терпеть этих мерзких арровых ведьм... они ведь мучают бедных вдов, лишают их сна и покоя, связывают с мертвыми... и бедные женщины всю жизнь вынуждены мучиться... Ты же сама знаешь, как тяжело видеть каждую ночь мужчину, которого ты любишь, и не иметь возможности быть с ним. Это так больно и тяжело... но у тебя, Малла, рядом есть те, кто может помочь избавиться от этой проблемы...

Он уже всю тискал мои руки, а я была слишком ошарашена тем, что сейчас узнала, чтобы сопротивляться.

– Добря... – угрожающе зарычал Орбрэн...

– Пошел вон, – бросил ему Добря, не отрывая от меня своего фирменного взгляда... как раньше, вдруг поняла я. Он всегда на меня смотрел именно так... Только раньше я почему-то не видела, что все это понарошку. Все его чувства и слова понарошку.

– Я уйду, только если Малла сама попросит меня об этом, – Орбрэн сжал кулаки... Будто бы готов драться за меня...

– Орбрэн, иди, – сказали мои губы. Будто бы сами по себе. А я все никак не могла не смотреть в завораживающие, как текучая вода, глаза Добри...

Орбрэн громко хлопнул дверью. Я вздрогнула и смогла отвести взгляд. На мгновение... кошмар меня подери! Что происходит?!

– Малла, – выдохнул Добря, и обхватил мои запястья своими лапищами, – ты так волнуешь меня... ты такая желанная, Малла... я приду к тебе сегодня...ночью... тыпустишь меня? Я сгораю от чувств к тебе... я больше не могу ждать...

– Д-да, – ответила я, зажмурив глаза... вдруг он прочитает там то, что не должен...

Добря ушел не скоро. Он еще целую половину части поливал меня патокой. Сладкой и тягучей. Лишающей желаний сопротивляться, мешающей двигаться... и хотя я изо всех сил собиралась ему не верить, под конец даже я с трудом помнила, что это ложь.

Я вообще, ощущала себя странно. Как будто бы раздвоилась. Одна я на самом деле радовалась, что сегодня ко мне придет Добря. Он ведь мне нравился. Очень. С самого первого дня. А Орбрэну я не нужна, он на меня даже не смотрит как на желанную женщину. Он смотрит на меня, как на бестолковое неразумное дитя. Хотя я уже столько раз доказывала, что это не так.

А другая я приходила в ужас от того, что должно было случиться этой ночью. Другая я не верила Добре. Ведь что-то было... вчера. Что-то такое, от чего доверять Добре не хотелось. Ложь... это ложь... повторяла я про себя. Но мысль постепенно терялась, и оставались пустые слова, тикающие в моей голове. Ложь... это ложь... ложь...

Я осталась одна. Ушел Добря. Ушла вторая Я, которая сомневалась. Но я от чего-то так устала, будто бы уже наступил вечер. От бесконечного шепота пустых слов разболелась голова. И мой сын отчего-то слишком больно застучал пяточками по животу... ложь... это ложь...

Меня затошнило. Голова закружилась. Я просидела за столом, уставившись в одну точку и боясь пошевелиться, до самого обеда. Так было легче. Успокаивался сын, замолкал мой внутренний шепот, уходила тошнота и головокружение. Именно такую меня увидела Вилина, когда как обычно пришла звать к обеду.

– Малла, – всплеснула она руками и подлетела ко мне, как будто бы была легкой пушинкой, а не крупной и весьма массивной женщиной, – что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? Вот ведь мужики бестолковые! Давно говорила, что нельзя тебе столько работать. А они нагрузили все на беременную женщину и довольные. Идем, Малла. Поешь и приляжешь. Тебе нужно отдохнуть...

Она помогла мне подняться, непонятные симптомы навалились с новой силой. Вилина потащила меня в столовую. Господин Гририх улыбался мне... а в моей голове с новой затицало непонятное «ложь... это ложь...» Не понимаю... почему? Ведь это же господин Гририх?!

За обедом я смогла проглотить всего несколько ложек каши. И то потому, что Вилина беспокойно ворковала рядом, готовая накормить «бедную девочку» с ложки. Господин Гририх, как обычно улыбался и шутил. А я почему-то не могла даже смотреть на него спокойно. Сразу начинали громко тикать сводящие с ума часы в моей голове.

И сын. Живот ходил ходуном, но даже боль была какой-то приглушенной... нереальной. Как будто бы не моей...

– Малла, что с тобой такое? – Вилина скакала вокруг меня, пытаясь расшевелить, прелая то румяные пирожки, то жареного мяса, то молока... а я не могла есть. Меня тошнило-тошнило и тошнило. Бесконечно. Может быть это поздний токсикоз? Говорят такое бывает, если тошноты не было на раннем сроке...

Когда обед закончился, голова просто раскалывалась от боли. И поэтому я даже не сопротивлялась, когда Вилина отвела меня в спальню, помогла раздеться и уложила в постель... Она одна была искренней со мной от начала до конца... а все остальное ложь... это ложь... ложь... тикало-стучало в голове, болезненно отдаваясь по всему телу. Снова... как тогда. Когда? Не знаю... но ощущение, что все это уже было, не отпустило.

– Ох, Малла, – Вилина принесла холодного молока, – на глотни, дочка. Что же эти ироды с тобой сделали, а? Говорила я Гририиху, что надо вмешаться, а он... а Орбрэн... ну, бестолочи оба... Вот довели...

После холодного молока стало легче. И я закрыла глаза. Тиканье прекратилось и блаженная тишина накрыла мой мир.

– И Грайи-то нет, – всхлипнула Вилина, – не вовремя дела у нее какие-то неотложные возникли... она бы тебя в два счета на ноги подняла. Нельзя беременным женщинам без помощи...

Под причитания Вилины я сначала задремала, а потом провалилась в сон. Спокойный и наполняющий силой. Темный, как сама ночь...

– Малла, Малла, проснись, – кто-то теребил меня. Я прислушалась к своим ощущениям. Уже вечерело. Кажется я проспала слишком долго, но зато так хорошо я себя не чувствовала давным-давно. Никакой боли, никакой патоки. Сознание чистое, тело отдохнувшее... красота! – Малла, тебе лучше? – Я кивнула. – На тебя воздействовали Даром, а ты сопротивлялась. Поэтому тебе стало плохо. И у нас нет времени. Нужно уходить. Слышишь? Малла!

Я открыла глаза. Надо мной, склонившись над кроватью, стояла аррова ведьма Грайя, держа в руках кружку с отваром, незнакомую горечь которого я все еще чувствовала на языке.

А мне стало смешно.

– Грайя, ты опаивала меня маковой настойкой, обманывала меня... почему ты решила, что я тебе поверю, аррова ведьма?! Я никуда с тобой не пойду.

Я встала с кровати и начала одеваться.

– Малла, выслушай меня. Я тебя прошу, – Грайя оглянулась в угол, словно боялась того, кто там может быть, – я не желала тебе зла. Меня тоже обманули. Обманули те, кому я доверяла. Но сейчас... Малла, у нас мало времени. Пожалуйста, доверься мне. Скоро стемнеет. Нам надо добраться до безопасного места.

– Здесь вполне безопасно, – усмехнулась я. Да, меня охраняют. Только не хотят говорить от чего. Или от кого. – А ваши наведенные сны на меня не действуют. За Орландо я не пойду. Я не так сильно любила его, как вам казалось.

Я помахала ей ладошкой и шагнула к выходу. Все хватит, нагостились. Пора домой. Еще надо решить вопрос с Добрей... сказать ему, что нечего делать в моей спальне. И пусть оракуллом своим не тычет, я девушка ветренная, имею право передумать. И, вообще, если мне нужно с кем-то переспать, чтобы арровы ведьмы остались с носом, то я скорее выберу Орбрэна. И не потому, что он мой муж. А потому что не надо действовать на меня гипнозом. А я все вспомнила. И даже про то, что было ночью...

– Орр-ландо?! – ахнула Дайра. Она побледнела и даже переменялась в лице, словно я сказала что-то страшное. Подскочила будто молодушка и загородила дверь своим телом, – Малла! Умоляю! Поверь! Это последний шанс. Иначе или он, или она доберутся до тебя. И тогда тебе никто не поможет!

– Нет. Я больше никому не верю. Я живу здесь меньше полугода, но каждый, кто говорил, что хочет мне добра, врал. И ты тоже.

– Малла, Орбрэн ждет тебя... я отведу тебя к нему.

– И Орбрэн мне врал. Во всем Гвенаре нет ни одного человека, которому бы я доверяла. Я сама по себе. Одна. Мне никто не нужен.

– А мне, Малла? – в комнату вошла непривычно серьезная Вилина, – мне ты доверяешь? Со мной ты пойдешь? В одиночку тебе не справится. Гририх с Дайрой вытащили тебя в этот раз из беспамьятва, но...

– Вилина? Ты тоже заодно с ней?! – перебила я ее. Это просто шок. Чего уж там... это больно, когда последний человек, которому ты доверяешь оказывается на стороне врага.

– Малла, я люблю тебя, как дочь. Это я позвала Грайю. Она не такая как другие арровы ведьмы, Малла. Она спасла моего сына... от Совета. Он родился с Древней Кровью. Но Грайя помогала мне скрывать его много лет, и если бы не случайность, его бы никогда не нашли и не забрали.

– Моего сына никто не отнимет, – вскинулась я, – у вдов больше не забирают детей, мы теперь не изгой и можем растить их сами.

– Верно, – Вилина кивнула, – если эти дети без Древней Крови. А если... Все дети с Древней Кровью забираются от родителей и передаются аристократам. И чем сильнее будущий Ведающий, тем выше род, в который его принимают. А мой мальчик сильнейший Ведающий в Гвенаре... на свою беду...

– Что?! – я же помню, кто именно сильнейший Ведающий в Гвенаре... после меня и моего сына... а еще перед глазами замелькали те странные поступки всех господина Гририха, Вилины и Орбрена, которые говорили о том, что она не врет, – Орбрэн ваш сын?!

– Верно, – грустно улыбнулась Вилина, – Орбрэн наш с Гририхом младшенький. И мы с Грайей прятали его десять лет здесь во вдовьем поселении. Сама же помнишь, здесь раньше было очень мало гостей. А потом двадцать лет назад... ему было девять, когда его нашли и забрали в королевский род.

Глава 7

– Но, – что-то не сходилось, – почему тогда о нем никто не помнит? Это же было не так давно...

– Тот, кого ты называешь Добрей, – подала голос Грайя, – Гвенарий 168. Предыдущий король и глава Совета сейчас. У него Первый Дар, Малла, влиять на людей. Он может заставить их забыть. Или влюбиться. Если он придет к тебе сегодня ночью... ты уже не будешь собой. А он придет. Ты ему позволила.

– Кошмар меня подери, – прошептала я, – теперь понятно, почему я все забыла. И вся деревня забыла про нашу ссору с Орбреном... И поэтому я не могла ему сопротивляться, хотя чувствовала, что что-то не так. Но зачем ему я?

– Ты ему очень нужна, – вздохнула Вилина, – Малла, тебе все расскажут по дороге. У вас мало времени. Скоро совсем стемнеет и арровы ведьмы войдут в силу. Сейчас Орбрен отвлекает его. Вы с Граией уйдете из деревни, а Орбрен вас потом догонит.

– Я...

Я заметалась. С одной стороны то, что они говорили было логично и разумно. С другой... мне все ввали. И я просто боялась поверить снова.

– Малла, клянусь Оракулом, что не причиню вреда ни тебе, ни твоему ребенку, – Грайя вскинула руку, перстень загорелся зеленым, принимая клятву, – но нам надо уходить. Пожалуйста!

И как я могла не подумать про такую возможность?! Наверное, я все еще не воспринимала Оракула всерьез...

– Поклянись, что не врешь мне, – потребовала я.

– Клянусь, что все, что я говорила тебе сегодня, правда, – Грайя вскинула руку снова. Оракул принял клятву.

– Хорошо, я пойду с тобой, – приняла я решение. Надеюсь, не пожалею, – но куда мы?

– Позже, Малла... тем более, Вилина не должна это знать. Гвенарий не остановится ни перед чем.

Что ж... логично. Ушли мы через черный ход, огородами. Удивительно, но находясь в центре, дом господина Гририха имел практически незаметный выход из деревни. Явно такое не могло быть просто случайностью.

– Я не могу пользоваться Силами, – Грайя шагала по узким тропинкам между грядками с кашкой и местными пряными травами, – иначе Верховная узнает, где я... а значит и где ты.

– Верховная?

– Да. Главная аррова ведьма... Теперь она очень сильна. И мы уже потеряли почти всех...

– Ничего не понимаю... О чем ты?

– Позже, Малла. Прости, что не сразу поняла что к чему. Я доверяла Ирге... А оказалось... А потом еще и Мушка... – Грайя замолчала, сжав губы в тонкую полосочку. Кажется, ей больно было говорить об этом.

За деревней мы пробежали по заросшему довольно высоким кустарником оврагу и вышли на дорогу, ведущую в Варн. Там нас ждал господин Гририх на телеге.

– Быстрее, девочки, быстрее, – взмахнул он вожжами, заставляя лошадь тронуться, передал управление Грайе, а сам соскочил, оставляя нас одних. – Малла, не беспокойся. О колхозе я позабочусь...

Я промолчала... кивнула только... я же теперь помню, как именно господин Гририх помогал вдовам не стать арровыми ведьмами. И это... это противно. Хотя с другой стороны... то, что он спас их от... а вот, кстати, от чего? Я знаю, что Грайя аррова ведьма. Но встретить я ее на улице, ничего бы не заподозрила. Но при этом даже Салина с Рыской были уверены,

что я не стала арровой ведьмой... почему? Ну... раз Грайя поклялась мне не врать, то я у нее и спросила.

– Малла, – улыбнулась Грайя, – арровы ведьмы связаны с миром мертвых. Все наши силы и способности идут оттуда... А отличить легко и просто, если ты знала бы кого-нибудь из нас до того, как все случилось... Мы отдаем свою жизнь, свои Дары и даже Древнюю Кровь в обмен на возможность видеть того, кого любила... только, знаешь, это сначала кажется, что ничего не жалко. А со временем понимаешь, тебя обманули. Обмен оказался совсем неравноценным. Ты уже не принадлежишь себе. Всем, что есть в твоей жизни и даже самой жизнью распоряжается Верховная аррова ведьма. Узнай она, что я помогаю тебе спрятаться, она в один миг забрала бы мою жизнь обратно.

– Но зачем ей все это? – удивилась я.

– Не знаю, – Грайя пожала плечами, – но думаю, чтобы продлевать свою жизнь. Верховная правит много тысяч лет...

– Грайя, а почему ты рискуешь? Ну... спасая меня, ты же рискуешь.

– Рискую, – улыбнулась Дайра, – но знаешь, моя жизнь закончилась восемь десятков лет назад. Мне ее не жалко. Но помочь тем, кто помогал мне все эти годы оставаться человеком, а не безжизненной ведьмой... это мой долг, Малла.

– Вилине?

– Вилине, Гиририху и Орброну. Благодаря им, я еще могу что-то чувствовать... Мы с Гририхом попали во вдовье поселение почти одновременно. Он тогда был совсем молоденький. Младше, чем сейчас Орбрэн. Раньше, как и везде, почти половина вдов здесь, у Варда была арровыми ведьмами. И я уже почти ушла. Мне оставалось несколько дней. У Гририха, как и у Гвенария 168, Дар влиять на людей. Намного слабее, конечно.

– Но.. господин Гририх говорил, что у него Дар управления! – вскинулась я и тут же поняла, что Грайя права. Управлять и влиять это почти одно и то же... И стало обидно. Неужели все то уважение, что я чувствовала к господину Гририху – наведенное?

– Малла, – рассмеялась Дайра, увидев, что я расстроилась, – ты думаешь, что господин Гририх влиял на тебя, как Добря? А ты знаешь, что обладая Даром земли, как ты можешь не только вкусные овощи в огороде выращивать, но и создавать овраги, провалы в земле? Такой Дар очень ценится у воинов, ведь им можно уничтожать целые армии...

Грайя говорила, а я понимала, что да... могу... но и не могу.

– И то, что господин Гририх может влиять на людей, совсем не значит, что он это делает. Не бойся, Малла, если кому-то в этом безумном мире и можно доверять, то это Гририху и Вилине. Таких людей на свете очень мало... Но слушай дальше. Когда Гририх увидел в каком я состоянии, то пожалел меня. И постарался помочь. Но было слишком поздно... я уже слишком завязла в этих снах, и не замечала реальность. Но он проводил со мной каждую ночь...

– Я не хочу это слушать, – перебила я Грайю, – это мерзко... Да, тогда он не был с Вилиной, но потом... потому уже был женат, но все равно спал со вдовами, чтобы они не стали ведьмами...

– Кто это тебе такое сказал? – удивилась Грайя, – а! Наверное, Гвенарий, да? – Она рассмеялась, – да, Малла, это самый простой способ, но нет... мы никогда не спали. И Гририх никогда ни с кем... Он просто ночи напролет рассказывал, Малла, как прекрасен этот мир. Как прекрасна живые настоящие чувства. Заставлял вспоминать самые лучшие моменты вашей жизни. И все время спрашивал, хотел бы тот, кого ты любишь, такой печальной судьбы для тебя. Или он хотел бы, чтобы ты жила дальше и попыталась стать счастливой.

– Значит господин Гририх не... никогда?

– Ну, почему, – улыбнулась Грайя, – один раз он воспользовался и таким способом. С Вилиной. Он тогда влюбился в нее с первого взгляда. Знаешь, это было забавно. Мы-то все считали, что он не способен на такие чувства. А оказалось, все эти годы он просто водил нас за

нос, притворяясь бесчувственным чурбаном. Очень многие вдовушки хотели бы заполучить его в свою постель, Малла. И не только вдовушки, – она вздохнула, – но если у него с кем-то и было, то об этом не знала ни одна живая душа. Но мы снова отвлеклись. Тогда после бесед с Гририхом что-то произошло не так. И я сохранила чувства. Не стала замороженной куклой, не способной испытывать какие-либо эмоции. И начала помогать Гририху отбивать вдов у Верховной. Мы больше не потеряли ни одну.

Мне стало стыдно перед господином Гририхом... я так легко обвинила его во всех грехах, хотя они с Вилиной всегда помогали мне и словом, и делом. Но я забыла о том, сколько хорошего они сделали для меня.

– Грайя, а зачем я Добре? Я же замужем за Орбреном... за его сыном... пусть и названным.

– Ваш брак не настоящий. Вы два идиота, которые не видят ничего дальше своего носа. Он думает, что слияние вынудило его любить тебя. Ты тоже думаешь что-то неправильное про него. И вы не нашли ничего лучше, чем сообщить о том, что вы все равно не вместе самому Гвенарию...

– А это-то тут при чем?

– Малла, – хмыкнула Грайя, – ты знаешь, сколько детей способна родить женщина за всю свою жизнь? А сколько Ведающих можно получить от одной очень Одаренной Ведающей? И ты представляешь, как одно поколение может измениться расстановка сил? Особенно, если позволять ей вынашивать только очень сильных сыновей, которые унаследуют его Дар, а не бесполезное лекарский, как у Орбрена?

– Что?! – я чуть не упала с телеги, – он хотел превратить меня в свиноматку?!

– Элитную свиноматку, которая рождает исключительно выдающихся поросят, – кивнула Грайя...

Кажется, я хочу его убить.

– Грайя, – прищурилась я, – а ты откуда знаешь?

– Он предложил мне поучаствовать, – пожала плечами Грайя, – думаю из-за тебя они сильно поссорились с Верховной. И она отказалась помогать ему. А я давно известна своей неправильностью... вот он и предложил защитить меня от Верховной взамен на присмотр за тобой...

– А ты? – насторожилась я... не хотелось бы приехать в лапы Гвенария. После отвара Грайи я вспомнила все и доверять этому человеку еще раз точно не стала бы.

– А я сказала, что подумаю. Нам нужно время, Малла, чтобы спрятать тебя. Ты мне не веришь?

– Я не знаю. Меня слишком часто здесь обманывали, – честно ответила. Да, уж... меня никогда в жизни столько не обманывали, как в Гвенаре, где есть Оракул, который следит, чтобы все говорили правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.